

8. Шалак А. В. Социальные проблемы населения Восточной Сибири (1940–1950 гг.) / А. В. Шалак. — Иркутск : Изд-во ИГЭА, 2000. — 356 с.

### Информация об авторе

*Афанасова Елена Николаевна* — кандидат исторических наук, доцент, кафедра права и гуманитарных наук, филиал Байкальского государственного университета экономики и права в г. Усть-Илимске, 666673, г. Усть-Илимск, ул. Ленина 20в, e-mail: lebeden81@mail.ru.

### Author

*Afanasova Elena Nikolaevna* — PhD in History, Associate Professor, Chair of Humanitarian and Law, Ust-Ilimsk Branch of Baikal State University of Economics and Law, 20v, Lenin st., Ust-Ilimsk, 666673, e-mail: lebeden81@mail.ru.

УДК 314.727  
ББК 60.721.25

*А.С. БРЕСЛАВСКИЙ*

## ПРИГОРОДЫ УЛАН-УДЭ В СИСТЕМЕ СЕЛЬСКО-ГОРОДСКОЙ МИГРАЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ БУРЯТИЯ\*

В статье анализируется воздействие сельско-городской миграции на пригородные поселения Улан-Удэ (Республика Бурятия). Автор выделяет основные группы мигрантов, определяет их мотивы и ожидания, рассматривает особенности их взаимоотношения с местным сообществом. В работе также характеризуется роль сельско-городской миграции в изменении архитектурного ландшафта и социально-бытовой инфраструктуры пригородных сообществ.

**Ключевые слова:** внутренняя миграция, пригород, Улан-Удэ.

*A.S. BRESLAVSKY*

## SUBURBAN COMMUNITIES OF ULAN-UDE IN THE SYSTEM OF RURAL-URBAN MIGRATION IN BURYATIA

Author analyzes the influence of rural-urban migration over suburban communities of Ulan-Ude (Buryatia). In the article main groups of migrants, their motivations and expectations, their relationship with local communities are considered. Author also characterizes the role of rural-urban migration

---

\* Работа выполнена при частичной финансовой поддержке Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг., по темам «История формирования пригородов в Восточной Сибири во второй половине XX века» и «Переселенческое общество Азиатской России: этномиграционные процессы в формировании локальных пространств и сообществ. Рубежи XIX–XX и XX–XXI веков» в научно-образовательном центре Межрегиональный институт общественных наук при ИГУ.

in changing the architectural landscape and the social infrastructure of suburban communities.

**Keywords:** rural-urban migration, suburb, Ulan-Ude.

В фокусе внимания данной статьи — внутренние миграции в Республике Бурятия, а точнее их роль в формировании пригородной зоны столицы республики — города Улан-Удэ. Исследование, которое опиралось на анализ статистических данных, серию фокусированных и нарративных интервью, а также материалы включенного наблюдения автора, было проведено в 2011 г.; часть результатов была опубликована [2]. Основной вопрос, который нас интересовал, — каким образом миграционная привлекательность Улан-Удэ видоизменила жизнь рассматриваемых пригородных сообществ и сами эти поселения за последние двадцать лет? Как внутренние миграции повлияли на социальную структуру, характер социальных взаимодействий в пригородных сообществах, как они видоизменили их архитектурный облик и инфраструктуру?

Случай постсоветского Улан-Удэ в этом смысле достаточно показателен. И это объяснимо, поскольку город в последние двадцать лет стал главным центром притяжения внутриреспубликанских сельских мигрантов [1, с. 132–155; 3, с. 4; 13; 14, с. 163–184]. Сельчане с каждым годом продолжают прибывать в столицу, приобретая, арендуя жилье, а иногда и незаконно захватывая земли в различных частях города [4, с. 129–154]. Вместе с тем сегодня достаточно значительная территория Улан-Удэ [15], как оказывается, уже не может обеспечить потребности новых переселенцев в доступном жилье и земле. В этих условиях — недостатка городской земли, а также ее высокой стоимости — мигранты все чаще обращают свое внимание на пригороды Улан-Удэ. Вместе с тем Улан-Удэ, как и большинство «социалистических» городов, никогда не имел ни предместий, ни маленьких городков, окружающих его в качестве пригородов. В советские годы эту роль играли спальные и заводские районы, а также значительные по площади зоны индивидуальной застройки. Вместе с тем, сегодня, выехав за пределы городского округа, уже в непосредственной близости от него, можно встретить поселения, которые сами местные жители и административная власть называют «пригородом». Что представляют собой эти поселения и населяющие их сообщества? Каким образом Улан-Удэ, являющийся главным центром притяжения внутриреспубликанских мигрантов, видоизменил жизнь рассматриваемых пригородных сообществ и сами эти поселения за последние двадцать лет? Предварительный ответ на поставленные вопросы может быть представлен в виде следующей исследовательской гипотезы: пригородные поселения Улан-Удэ до начала 1990-х гг. являлись «пригородом» исключительно географически (располагаясь на физических границах городского округа); начиная с 1990-х гг., а в особенности с середины 2000-х гг., ситуацию меняет рост миграционной

привлекательности этих территорий, в результате которого произошло существенное обновление местных сообществ, а также начала выстраиваться их социальная (связанная, прежде всего, с профессиональной занятостью) ориентация на город, что позволяет говорить о рассматриваемых поселениях как о «пригородных» уже не только в географическом, но и в социально-экономическом смысле.

Такого рода формулировка гипотезы подталкивает нас к постановке новых вопросов: становятся ли пригородные сообщества Улан-Удэ «городскими» (по образу жизни, деятельности, идентичности)? Происходит ли урбанизация пригородной жизни (на уровне практик, дискурсов)? Меняется ли внешний облик, инфраструктура пригорода? Чтобы ответить на поставленные вопросы, далее мы последовательно рассмотрим, во-первых, особенности и общие черты интересующих нас пригородных поселений, во-вторых, процессы их визуальной трансформации, изменения в структуре местных сообществ, связанные с воздействием миграционных процессов и, наконец, в заключение обратим внимание на отношение административной власти к «новым» мигрантам и ситуации, которую они формируют в пригородах.

Надо отметить, пригородные территории Улан-Удэ составляют исключительно сельские поселения. Столицу республики окружают четыре сельских района: Заиграевский, Иволгинский, Тарбагатайский и Прибайкальский. Данное исследование основывалось на четырех кейсах — обследованиях, организованных автором в течение апреля-мая 2011 г. в селе Нижний Саянтуй (Вахмистрово) [7] Тарбагатайского района республики, селах Нурселение, Сужа [12] Иволгинского района и селе Эрхирик [11] Заиграевского района. Дальнейшие выводы опираются на материалы серии фокусированных неформализованных интервью и данные включенного наблюдения автора. В качестве информантов (всего 17 чел.) выступили жители обозначенных сел. В исследовании были также использованы статистические и аналитические материалы администраций местных муниципальных образований, взятые с их официальных сайтов [8; 9; 10].

Надо отметить, что рассматриваемые села вплоть до последнего времени нельзя было сопоставить с пригородами западных городов по многим критериям: количеству населения, уровню инфраструктуры, идентичности местных жителей, образу их жизни. Каждый из рассматриваемых кейсов — Нижний Саянтуй, Сужа, Нурселение, Эрхирик — до середины 1990-х гг. представлял собой достаточно типичное слабоурбанизированное сельское поселение (в советские годы — организованное вокруг колхоза / совхоза), жители которого вели сельский же образ жизни с характерными для него сферами деятельности (животноводство, приусадебное хозяйство и пр.); преобладающей была и «сельская» идентичность. Вместе с тем с начала 2000-х гг., а в особенности с их середины, ситуация начала

меняться: рассматриваемые села, в советские и в 1990-е гг. считавшиеся пригородом во многом номинально, сугубо географически, в связи с удорожанием городского жилья, земель и отсутствием свободных территорий внутри городского округа, стали приобретать все больший интерес у потенциальных переселенцев. Географическая близость к городу, долгое время остававшаяся неактуализированным ресурсом приобрела высокое символическое значение. Произошедшие изменения за последние двадцать лет выразились, как представляется в двух значимых тенденциях. С одной стороны, в связи с высокой миграционной привлекательностью этих территорий — увеличением потока мигрантов — трансформировалась структура местных сообществ, видоизменился облик рассматриваемых поселений. Мигранты начали воспроизводить здесь пригородный образ жизни, связанный с маятниковыми перемещениями «пригород-город-пригород». С другой стороны, еще с начала 1990-х гг. ориентация «на город» стала определять трудовые и прочие практики самого местного населения, что повлияло и на их идентичность.

Первая тенденция, о которой мы сказали, связана с увеличением потока мигрантов в рассматриваемые пригородные села. Возвращаясь к сформулированной выше гипотезе, отметим, что именно миграционная привлекательность этих территорий, на наш взгляд, способна обеспечить их «превращение» в «пригород». Рассмотрим этот тезис подробнее. Стоит начать, пожалуй, с ответа на вопрос: что мы знаем о мигрантах в пригородах постсоветского Улан-Удэ? Кто они? Каковы их миграционные мотивы, ожидания, стратегии расселения и адаптации? Опираясь на материалы собственного обследования, мы можем выделить в структуре мигрантов, поселившихся в рассматриваемых поселениях с начала 1990-х гг., две наиболее значительные группы: сельских жителей Бурятии, переехавших «поближе к городу» и, собственно, городских жителей, которые предпочли квартире (дому) с городской регистрацией жилье в сельском пригороде. Стоит отметить сразу, что среди жителей рассматриваемых пригородных сел на момент обследования не было иностранных мигрантов и практически отсутствовали переселенцы из других субъектов России (на этот счет нет статистики — опираемся на данные интервью и материалы включенного наблюдения).

Для сельских жителей переезд в Улан-Удэ и его пригороды за последние двадцать лет стал достаточно распространенной практикой. Улан-Удэ, будучи в повседневном измерении «единственным городом республики», обладает в этом смысле наибольшей миграционной притягательностью по отношению к малоперспективной сельской Бурятии. Сельчане-мигранты рассматривают «город» как место, где сконцентрированы позитивные полюса общественной жизни всей республики: развитый рынок труда, институты высшего образования, сферы культуры и досуга, благоприятная социальная и инфраструктурная среда и пр. При этом представление

об Улан-Удэ в среде сельских жителей, на наш взгляд, было и в целом остается отстраненным, внешним, интуитивным, слабо отражающим реалии постсоветских изменений. Это особенно характерно для жителей отдаленных от столицы республики сельских районов и для первого постсоветского десятилетия в целом. Знание о городе у сельчан подчас предельно локализовано, что выражается, к примеру, в ограниченности списка знакомых людей и мест. Поэтому часть из них предпочитают городу — сельский пригород, который выглядит «более безопасным, более близким, более комфортным». По пути в «город» часть сельчан встречает также и непреодолимые барьеры, вынуждающие их «остановиться» в пригородах. Главным образом это финансовые трудности, связанные с отсутствием у многих переселенцев достаточных средств для покупки участка городской земли, недвижимости или ее аренды.

Вторая наиболее значительная группа мигрантов в пригородах — переселенцы из города. Отметим, что в целом переезд жителей Улан-Удэ в сельские поселения республики — количественно менее выраженная практика по сравнению с миграцией сельчан в город. Представляется вполне очевидным, что число горожан, поменявших квартиру на дом в деревне, в изучаемый период было значительно меньше тех, кто пытался, продав сельский дом, купить жилье в черте города. Вместе с тем постоянно увеличивающаяся плата за коммунальные услуги, желание жить в более благоприятных экологических условиях, «на земле», иметь большую жилую площадь ежегодно подталкивает часть горожан к переезду за пределы Улан-Удэ, по возможности в близлежащие села и поселки, в том числе не входящие в состав городского округа. Часть из них имеет возможность обеспечить на новом месте комфортные условия для жизни, сопоставимые с «городскими», другим (не очевидно, кого здесь больше) — не получается выйти за рамки «сельского минимализма». Так или иначе, на момент исследования нельзя было сказать, что пригороды Улан-Удэ стали местом массового прибытия финансово-успешных улан-удэнцев.

Вместе с тем в разрезе четырех рассматриваемых нами кейсов проявились и некоторые особенности в структуре мигрантов, в их количестве и в их количественном соотношении с местным населением. Так, в селе Нижний Саянтуй (Вахмистрово) — одном из наиболее удобных с точки зрения транспортной доступности — количество мигрантов с каждым годом (по общей для всех четырех кейсов тенденции) лишь возрастает. При этом здесь можно встретить не только жителей из более отдаленных поселений района, но и значительное количество горожан, а также переселенцев из всех сельских районов Бурятии. При все увеличивающемся потоке мигрантов их количество в селе все же еще не соотносимо с числом местных жителей. Схожая ситуация имеет место в с. Эрхирик Заиграевского района. Однако здесь и самих мигрантов ежегодно, как оказалось,

пребывает меньше. Переезжают в основном горожане, в значительно меньшей степени — жители других районов республики (возможно, это можно связать с тем, что граница с городом находится в северо-западной его части, наиболее отдаленной от городского центра).

В селах Сужа и Нурселение Иволгинского района, которые расположены друг напротив друга, наблюдается обратная ситуация. Здесь количество мигрантов постсоветской волны на момент исследования оказалось вполне сопоставимо с числом местных жителей. Это особенно показательно в случае с с. Нурселение, население которого за последние двадцать лет увеличилось кратно. При этом основную долю мигрантов здесь составляют сельчане — как «местные» (из Иволгинского района), так и из других районов республики.

Рассматриваемые нами села, как мы отмечали, объединяет советское колхозно-совхозное прошлое. В этом смысле важно отметить, что все они на момент обследования представляли собой территории с отчетливо видимыми зонами «старой» и «новой» застройки — советского и постсоветского периода. При этом количественное (визуальное) соотношение старых и новых построек, а также «коренных» и «новых» жителей в этих селах существенно отличалось. Так, в с. Нижний Саянтуй и Эрхирик, с. Сужа, как показало исследование, преобладают зоны старой застройки, новые улицы начали появляться лишь в последние годы (с 2007–2008 гг.) и в относительно незначительных масштабах (в среднем 30–50 домов). Обратная ситуация характерна для с. Нурселение, население и внешний облик которого претерпели существенные изменения в связи с массовыми миграциями.

С точки зрения формирующегося ландшафта застройки ситуация по всем поселениям в общем одинакова: большинство из жилищных новостроек (в том числе дворовые постройки) выполнены из дерева, сохраняют утилитарный «деревенский» стиль без архитектурных изысков. Вместе с тем новые дома, которые активно строят мигранты, в подавляющем большинстве случаев не имеют характер «временного жилья», построены основательно. В целом же, с визуальной точки зрения, пригороды Улан-Удэ на момент исследования сохранили вид достаточно типичных слабоурбанизированных сельских поселений современной Бурятии: здесь слабо развита социально-бытовая инфраструктура, практически отсутствует инфраструктура отдыха и развлечений, нет крупных супермаркетов, плохие дороги, жилищное строительство однообразно и утилитарно.

Взаимодействие мигрантов с жителями местных сообществ в целом имеет нейтральный характер. «Коренные» жители в своих интервью, конечно, отмечали, что они обращают внимание на новых жителей. Вместе с тем их отношение к приезжим «соседям» было и остается в целом именно нейтральным — пристального внимания к их жизни они не про-

являют. То же характерно, на наш взгляд, и для самих мигрантов. Вероятно, это можно связать также с тем, что мигранты (в основном выходцы из сельской Бурятии и улан-удэнцы) не вызывают у «коренных» жителей какого-либо интереса, поскольку ведут достаточно типичный для местных поселений образ жизни, имеют сопоставимые доходы, в целом не конкурируют с местным населением на сельском рынке труда и т.п. При том, что мигранты оказались в роли «гостей», в рассматриваемых поселениях за прошедшие годы не возникли какие-либо значимые основания для консолидации «приезжих» против «местных» и наоборот. Не актуальны здесь, как представляется, и какие-то потенциально конфликтные групповые идентичности. В частности, усложнение национального состава во всех поселениях, бывших некогда в этнической срезе практически гомогенными, не привело к сколь-нибудь острым конфликтам. На это влияет традиционно высокий уровень культурной толерантности в Бурятии и пригородное положение поселений, подталкивающее местных жителей более лояльно относиться к приезжим.

Вопросы, связанные с активным заселением пригородных поселений Улан-Удэ, вплоть до последних лет не включались в республиканскую или городскую повестку дня, оставаясь «проблемами местного значения». Однако в 2010 г. в связи с публичным обсуждением и принятием новой Концепции территориального развития Улан-Удэ [6], на них обратили внимание. В новой Концепции было предложено три варианта развития Улан-Удэ, предполагавших расширение границ городского округа за счет пригородных территорий (в том числе поселений) Иволгинского, Заиграевского и Тарбагатайского районов. В намеченной перспективе с. Нижний Саянтуй, Нурселение, Сужа, Эрхирик могут войти в состав города. Вполне возможно, что это поспособствует развитию данных территорий, их качественному преобразению. Пока же подобная перспектива вызывает к жизни достаточно сдержанные, но оптимистические ожидания местного населения относительно инфраструктурного благополучия своих территорий. Так или иначе, решение о включении рассматриваемых пригородных поселений в состав Улан-Удэ лишь повысит уровень их миграционной привлекательности, а, значит, поток переселенцев в эти места, наверняка, увеличится. На это сетуют и местные власти, ведь в их взаимоотношении с мигрантами уже сегодня основным вопросом является проблема незаконного захвата земли и, соответственно, проблемы регистрации. Стоит отметить, что муниципальные власти в данном случае пока идут на уступки. Так, в Нижнеиволгинском (с. Сужа и Нурселение) и Дабатуйском (с. Эрхирик) сельском поселении земельные участки до конца 2013 г. решили оформлять по «упрощенной системе», освобождающей нарушителей закона и местных нормативно-правовых актов от административного наказания. Это позволяет многим переселенцам узаконить свои земельные участки, став законными собственниками занятых прежде земель.

Другой значимой проблемой, связанной с существенным прибытием в пригородные поселения новых жителей, стало увеличение нагрузки на социальные и коммунально-бытовые службы местных и без того финансово слабых сельских муниципалитетов (школы, детсады, полиция, водо- и электроснабжение и пр.). При том, что рассматриваемые нами поселения уже ни один год считают «пригородом», а в ближайшем будущем их могут включить в городской округ, они по-прежнему не лишены многих хронических проблем с водо-, энергоснабжением и т.п. Лишь в последние годы были решены вопросы с общественным транспортом. Сохраняя привлекательность для тех, кто стремиться жить недалеко от Улан-Удэ, пригородные поселения пока не обеспечивают местных жителей комфортными условиями, сопоставимыми с теми, что существуют, например, в благоустроенных районах города. Во многом именно поэтому переезд в пригород для многих горожан, и чуть в меньшей степени для сельчан, до сих пор остается во многом вынужденной, а не привлекательной миграционной стратегией.

Случай Улан-Удэ демонстрирует, возможно, один из типичных вариантов формирования пригородной зоны вокруг областных (краевых, республиканских) центров на Востоке России. В его основе лежит массовый приток сельчан в города и пока лишь набирающая вес миграция горожан в сельский пригород. Улан-удэнскую пригородную зону в последние пятьдесят лет формировало именно село, выходцы из сельской Бурятии. Это отличает Улан-Удэ, в частности, от соседнего Иркутска, пригороды которого развивались в это же время по другому варианту — в ситуации, когда в роли решающего актора выступило не село, а уже сам город [4]. И это подталкивает нас к более глубокому осмыслению изменений, происходящих в наших пригородах, а также делает все более значимым решение компаративных задач.

#### **Список использованной литературы и источников**

1. Бреславский А. С. Сельско-городская миграция в постсоветской Бурятии: практики расселения в Улан-Удэ / А. С. Бреславский // Миграции и диаспоры в социальном, политическом и экономическом пространстве Сибири. Рубежи XIX–XX и XX–XXI веков / науч. ред. В. И. Дятлов. — Иркутск : Оттиск, 2010. — С. 132–155.
2. Бреславский А. С. Пригороды Улан-Удэ в миграционных процессах постсоветской Бурятии: трансформация поселений и местных сообществ / А. С. Бреславский // Местные сообщества, местная власть и мигранты в Сибири на рубежах XIX–XX и XX–XXI веков / науч. ред. В. И. Дятлов. — Иркутск : Оттиск, 2012. — С. 447–463.
3. Будаева Ц. Б. Миграция населения в зеркале общегосударственных перемен / Ц. Б. Будаева // Бурятия. — 2002. — 1 нояб. — С. 4.
4. Григоричев К. В. «Село городского типа»: миграционные метаморфозы пригорода. В поисках теоретических инструментов анализа / К. В. Григоричев // Местные сообщества, местная власть и мигранты в Сибири на рубежах XIX–XX и XX–XXI веков / науч. ред. В. И. Дятлов. — Иркутск : Оттиск, 2012. — С. 422–446.

5. Карбаинов Н. И. «Нахаловки Улан-Удэ»: ничейная земля, неправильные шаманы и право на город / Н. И. Карбаинов // Агинская street, танец с огнем и алюминийевые стрелы: присвоение культурных ландшафтов / [В. Н. Давыдов и др.]; Хабар. Науч. центр ДВО РАН. — Хабаровск, 2006. — С. 129–154.

6. Концепция территориального развития городского округа «Город Улан-Удэ» до 2025 г. с увеличением численности населения до 700 тысяч человек [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [www.ulan-ude-eg.ru/news/for\\_news/2010.11.19/D01.doc](http://www.ulan-ude-eg.ru/news/for_news/2010.11.19/D01.doc) (дата обращения: 16.05.2011).

7. Краткая справка о Тарбагатайском районе Республики Бурятия на 01.08.2009 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.tarbagatay.burnet.ru/official/101/> (дата обращения: 16.05.2011).

8. Официальный сайт Заиграевского района [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.admzgr.e-baikal.ru> (дата обращения: 12.04.2011).

9. Официальный сайт Иволгинского района [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.ivolginsk.info> (дата обращения: 12.04.2011).

10. Официальный сайт Тарбагатайского района [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.tarbagatay.burnet.ru> (дата обращения: 12.04.2011).

11. Перечень населенных пунктов муниципальных образований по Республике Бурятия [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [http://www.minprioda-rb.ru/content/nas\\_punkt.php?SECTION\\_ID=571](http://www.minpriroda-rb.ru/content/nas_punkt.php?SECTION_ID=571) (дата обращения: 16.05.2011).

12. Программа социально-экономического развития сельского поселения «Нижнеиволгинское» на 2008–2010 годы и на период до 2017 года [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.ivolginsk.info/poseleniya/nizhneivolginskoe.html> (дата обращения: 16.05.2011).

13. Рандалов Ю. Б. Миграционные настроения сельских жителей: действующие факторы и тенденции (по материалам социологического исследования в Республике Бурятия) / Ю. Б. Рандалов [и др.]. — Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2005. — 165 с.

14. Содномпилова М. М. Сельско-городская миграция в Бурятии: формирование транслокального пространства / М. М. Содномпилова // Город и село в постсоветской Бурятии: социально-антропологические очерки. — Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2009. — С. 163–184.

15. Стратегия социально-экономического развития города Улан-Удэ до 2027 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.ulan-ude-eg.ru/tomorrow/razvit/> (дата обращения: 22.04.2011).

### Информация об авторе

*Бреславский Анатолий Сергеевич* — кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Улан-Удэ), научный сотрудник, НОЦ «Межрегиональный институт общественных наук» при Иркутском государственном университете (Иркутск), 670047, Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, д. 6, e-mail: [anabres05@mail.ru](mailto:anabres05@mail.ru).

### Author

*Breslavskiy Anatoly Sergeevich* — PhD in History, Scientific Fellow of the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the Russian Academy of Science (Ulan-Ude), Scientific Fellow of the Interregional Institute of Social Studies of the Irkutsk State University (Irkutsk), 6, Sahyanova st., Ulan-Ude, 670047, e-mail: [anabres05@mail.ru](mailto:anabres05@mail.ru).